

СЁСИК БЫФ

Шальная пуля

Новелла

4 августа. Вечер. Ближний тыл Миус-фронта в районе Саур-Могилы.

— Одди! Ты здесь! Я уже неделю пытаюсь разыскать тебя! — Неказистый парень в форме пехотного фельдфебеля вбежал в мазанку и, не закрыв дверь, бросился к одиноко сидящему за столом лейтенанту.

Тот, сделав глоток красного вина из бокала, поднялся навстречу. Обедаящие за другим столом немецкие офицеры посмотрели на вбежавшего и потеряли к нему интерес. В обшарпанной оконной раме при каждом отдалённом взрыве дребезжало треснутое стекло. На звуки канонады никто не обращал внимания.

— Одди, как я рад! — Парень развёл руки и шагнул вперёд. Лейтенант оправил безукоризненно подогнанный китель и неуловимым движением отстранился от объятий приятеля. Он протянул для пожатия ладонь с тонкими ухоженными пальцами, а другой похлопал вошедшего по плечу.

— Здравствуй, Ральф! Рад тебя видеть.

— Одди, а я уже отчаялся встретиться! Ты же теперь знаменитость! Лучший снайпер группы армий «Юг», как пишут в газетах!

— Ральф, к чёрту газеты. Мы не виделись с тобой...

— Полтора года, Одди! Целую вечность, учитывая, что на войне время идёт по-другому, — Ральф никак не мог сдержать радостных эмоций, — а ты совсем не меняешь привычек. Даже здесь, среди этих кровавых степей, находишь возможность пить вино. Это то самое, из вашего поместья? Помню, твой отец рассказывал о каких-то особых винных бочках. Угощаешь?

Отто фон Краузе, которого приятель называл детским именем Одди, жестом предложил присесть на деревянную лавку у стола, сел сам и щелчком пальцев привлёк внимание женщины в заношенном,

линялом платье. Он показал ей на свой бокал, а затем на Ральфа. Женщина бесшумно скользнула за печь и вернулась, держа в руках грубую глиняную кружку. Отто ухмыльнулся, заметив, каким голодным взглядом друг окинул женскую фигуру.

— Выпьем, Ральф. Мне как раз передали посылкой несколько бутылок домашнего вина. Хотя что-то в этом хаосе приносит умиротворение и покой. Война обостряет восприятие, мой друг, и всякие мелочи становятся значимыми.

Ральф в несколько крупных глотков выпил вино, шумно выдохнул и стукнул кружкой по столу.

— Прекрасно, Одди! Совсем как тогда, до этой бесконечной войны, у тебя дома под Бреслау. Помнишь? Мы сидели в саду, пили вино, а твоя сестра Хельга, такая красавица, пела нам «Песню амура».

Он на секунду зажмурился и севшим голосом фальшиво протянул:

— Мальчишка, любви томной вестник,
Чьи стрелы сгорают в груди...

Отто, сделав очередной глоток, посмотрел сквозь вино на свет и осторожно поставил бокал на стол. Он молчал, задумчиво смотря на бутылочную этикетку, на которой рукой отца было написано: «Будь храбрым, наш сын. Мы тебя ждём с победой».

— Одди, — прервал его мысли друг, — я слышал легенду, что ты заговорён от смерти. Это правда? За прошедшие полгода о тебе столько всего рассказывали! Что ты убил уже больше тысячи русских. Что у тебя какие-то особые «поющие» пули. Что любой твой выстрел — верная смерть. Что иваны тебя ни разу не вычислили на позиции. А здесь на Миус-фронте ходят уж совсем невероятные слухи. Может, ты заключил сделку с дьяволом?

Отто вытащил из кармана патрон необычно тёмного цвета и кинул его на стол.

— Их делают на фабрике «Польте» по заказу моего отца, Ральф, и присылают вместе с вином. Выпивка, оружие, посылки от близких — что ещё нужно солдату?! Видишь специальное покрытие и продольную насечку на пуле? Из-за них в полёте раздаётся особый свист, отдалённо напоминающий ноту «си». Как мне объяснили, такие пули имеют невероятную точность. Каждый выстрел — чья-то жизнь. Но снайперу

засчитывают только те попадания, которые подтвердил наблюдатель. За тот год, что я на фронте, мне записали тридцать четыре цели, — Отто произнёс число отчётливой и громче, чем остальную часть фразы.

— Тридцать четыре? — с насмешкой повернулся к ним дородный обер-лейтенант, сидящий за соседним столом. — Моя пушка за один выстрел иногда отправляет на тот свет больше мяса. А тут за год!

Отто внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он молча налил в кружку Ральфа ещё вина и поднял бокал.

— За тебя, Ральф! За нашу дружбу! — Сделал глоток и добавил: — И чтобы седины у тебя не добавлялось.

— Ты заметил, да? — Ральф пригладил висок. — Мне двадцать два, а я уже седой. Одди, война старит человека в считанные дни.

— Кому ты это говоришь? Человеку, бóльшую часть времени проводящему в тылу? «Бумажный солдат» тебя не поймёт, приятель, — снова вмешался обер-лейтенант. Он улыбнулся, но из-за овального синюшного шрама на скуле его лицо стало страшным.

Отто повернулся к нему и спокойным тоном ответил:

— Я из потомственных военных, герр обер-лейтенант. Краузе всегда были хорошими солдатами на службе родине. Правда, один из моих предков лет сто пятьдесят назад строил этим дикарям прекрасные здания. Но должен же кто-то нести цивилизацию варварам. Теперь я пришёл за своей долей.

— Я сейчас не на службе, лейтенант. Меня зовут Ганс.

— Очень приятно, Ганс, но позвольте мне пообщаться с моим другом.

Обер-лейтенант вместе с сидящими за его столом офицерами опрокинули в себя очередную порцию шнапса и принялись обсуждать минувший, уже третий, провал наступления русских.

— Одди, как тебя сюда занесло? Неужели наше командование начало посылать элитных снайперов в кровавую мясорубку? С месяц назад говорили, что ты застрелил русского полковника с расстояния в километр в Но-во-рос-сий-ске, — по слогам выговорил Ральф.

Отто улыбнулся.

— Друг, ты собрался сохранить моё имя для потомков? Ещё слишком рано. Война. Вот после победы наши имена можно будет вписать в историю Третьего рейха. А пока меня прислали к вам в триста

шестую дивизию. Понадобилось остудить некоторые горячие русские головы.

— Говорили, что ты остановил на днях атаку под Степановкой. Перестрелял всех офицеров и заставил иванов отступить...

— В триста шестую дивизию? — снова влез в разговор Ганс. — У которых эмблема бегущий кабан? Бегают эти вояки не хуже. Ею даже командует кавалерист.

За его столом радостно засмеялись. Отто поводил нижней челюстью, словно разминая её, но ничего не ответил.

Ральф негромко произнёс:

— Герр обер-лейтенант, мы воюем не меньше других. Я считаю, что это неуместная шутка, не отвечающая реалиям.

— Про «воюем» это ты расскажи своему приятелю. «Попал с километра», — передразнил Ганс, — пусть так и скажет, что это случайность или совпадение.

Лицо Отто покраснело. Он расстегнул кобуру на поясе, достал из неё парабеллум и положил на стол.

— Мы легко можем проверить мои навыки стрельбы, Ганс. Выйдем на улицу, вы поставите мишень на расстоянии...

— На расстоянии? Ты опять говоришь о расстоянии? Война, лейтенант, это не всегда расстояние. — Ганс уже не пытался скрыть раздражение. — Почти год назад, в октябре, на Сталинградской танковой фабрике к моей батарее прорвались русские. Мы дрались с иванами всем, чем придётся. Я разбил бинокль о башку одного из них. А по ночам мы давали через окно друг другу прикурить...

— Отто тоже был в Сталинграде. Об этом писали газеты! — вступился за друга Ральф.

— Я подтирался теми газетами! — Ганс подошёл к Ральфу и ткнул толстым пальцем в свой безобразный шрам. — Видишь вот это? Я резал русского, а он, свинья, дотянулся и выгрыз у меня кусок мяса. Так и сучил ногами с моей шкурой во рту.

— Не повезло вам, Ганс, — сказал Отто. — В октябре прошлого года я был дома в Нижней Силезии и пил вино. А газеты всё врут. Но мне не нравятся намёки на то, что я избегаю опасности. Готов доказать свой профессионализм.

— Ты готов поспорить? Давай! Моя батарея стоит юго-восточнее высоты Саур-Могила. Русских отбросили позавчера на исходные позиции. Ширина нейтральной полосы метров пятьсот. Местность сложная и заминированная. Сможешь подобраться к русским окопам на двести метров и пришить кого-нибудь?

— Мы встречались на позициях, Ганс, но вы навряд ли узнали меня под маскхалатом. Несколько дней я работал как раз на том участке. Ну, если посмотреть на это с вашей стороны, то не работал, а прятался в складках рельефа от опасности. — Отто ухмыльнулся, разлил остатки вина себе и Ральфу и выпил. — Завтра с утра я застрелю противника, находясь в пределах двухсот метров от его окопов. А потом найду вас и расскажу, как всё прошло.

— Расскажешь? Опять сплошные слова? Или может принесёшь мне газету с описанием очередного подвига? В окопах часто случаются перебои с бумагой, так что носи побольше.

— В моём роду никогда не было трусов и лжецов. Вы, обер-лейтенант, позволяете себе слишком много.

— Плевал я на это! Завтра я сам пойду корректировщиком огня и заодно присмотрю за тобой, лейтенант.

Отто сжал кулаки. Ральф смотрел на него и не узнавал. Ганс, дыша перегаром, облокотился о стол и переводил взгляд с одного на другого.

— Я уверен, Отто, что ты сошлѣшься на запрещающий приказ или просто не рискнёшь выстрелить в такой близи от русских. Они открывают шквал огня даже на хлопок шампанского. Так что ты проиграешь в любом случае, лейтенант.

— Я заключил сделку со штабом дьявола, и он выдал мне разрешение действовать на свой страх и риск, — Отто вытащил из кителя сложенный листок, расправил и сунул под нос Гансу, — на нём, правда, стоит подпись фельдмаршала Манштейна, но в условиях войны это равноценно. Готов поставить на удачу свои отличные швейцарские часы, Ганс. Что ставите вы?

— Я? — лицо Ганса растянулось в самодовольной улыбке. — Думаешь, если у меня нет поместья и дворянства, то я нищий? Ошибаешься, лейтенант!

Он залез в карман, вытащил скомканную грязную тряпку, развязал узелок и высыпал на стол горсть зубных коронок.

— Золото, лейтенант! Я ставлю золото!

Ральф безучастно-растерянно смотрел на блестящий металл. Отто побагровел, сжал челюсти и почти шёпотом спросил:

— Ты где их взял, Ганс?

— Им это было уже не нужно. Чего пропадать добру! Или ты, лейтенант, не только трус, но ещё и чистоплюй?

Отто придвинулся к оппоненту вплотную. Их обоих окружили офицеры, чтобы растащить в случае драки. Отто, глядя Гансу прямо в глаза, отчётливо произнёс:

— Я не трус, Ганс, и никто не обвинит меня в трусости. Ты говоришь, что русские расстреливают любое подозрительное место? Завтра утром я, находясь недалеко от их окопов, сделаю выстрел мимо цели. Так как у меня сделка с сатаной, я смогу убить человека, даже промахнувшись.

Все недоумённо посмотрели на Отто. Тот не отводил взгляд от лица Ганса. Ральф как-то по-детски воскликнул:

— Это безумие, Одди! Даже сам сатана не поразит цель, выстрелив мимо!

Ганс сдвинул брови, помолчал, покачиваясь, и, слегка растягивая слова, сказал:

— Завтра я внимательно буду смотреть за тобой. Видел на нейтральной полосе танк с сорванной башней? Под ним наблюдательный пункт, из которого корректируется огонь артиллерии. Я буду там. Оттуда отличный обзор. Ты никуда не укроешься. Я докажу, что ты не только трус, но и брехун, лейтенант.

Ральф успел задержать руку Отто, замахнувшегося пустой бутылкой на Ганса. Спорщики растащили.

Отто дождался, пока его отпустят, одёрнул китель, взял со стола патрон с «поющей» пулей и показал окружающим.

— На рассвете я выстрелю этим патроном мимо цели, но противник будет убит.

Затем вдвоём с Ральфом они вышли на улицу. Солнце уже склонилось к западу. Сумерки вытягивали тени и сливали их в тёмные пятна. Разрывы снарядов слышались всё реже и отчётливее.

— Одди, это же самоубийство.

— Жизнь, друг, это тоже самоубийство. Только растянутое во времени. Извини, мне нужно немного поспать.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

5 августа. Раннее утро. Миус-фронт в районе Степановки.

Отто отдыхал под маскировочной сеткой, растянутой над небольшой расселиной. Путь и оборудование позиции отняли очень много сил. Вонь, исходившая от лежащих неподалёку трупов солдат, раздражала, но снайпер к ней привык ещё в Сталинграде. Там тоже убитые валялись повсюду. Желания и возможности хоронить их почти не находилось.

Слух о необычном споре разнёсся по позициям почти мгновенно. В окопах пехотинцы восприняли Отто как мифическое существо. Он, в маскхалате с торчащей травой, больше походил на косматого великана Фенке, чем на чистюлю лейтенанта. Сапёры подсказали ему возможные ориентиры на разминированных тропах, но ползти к русским окопам отказались.

Отто встретился в блиндаже с Гансом. Тот, опухший от недосыпа и перепоя, вяло отдавал приказы артиллеристам. Спорщики окинули друг друга равнодушными взглядами и промолчали. Только когда снайпер исчез в темноте, Ганс злорадно хмыкнул вслед.

Несколько часов Отто пришлось ползти, прощупывая каждый клочок земли на предмет наличия мин. Иногда русские открывали беспокоящий огонь. Другая сторона молчала, чтобы не давать противнику повод вступить в перестрелку. Танк, под которым располагался наблюдательный пункт артиллеристов, стоял почти на вершине пригорка. Обзор должен быть прекрасным. Отто прополз мимо и расслышал, как двое солдат шёпотом делились воспоминаниями о далёкой родине. Раза три в тылу раздались сильные взрывы. Скорее всего стреляли из гаубиц. Отто пришлось выкрутить взрыватель у попавшейся на пути мины. Впрочем, узкое углубление, тянувшееся в сторону противника, помогло ему остаться незамеченным.

Только на первый взгляд кажется, что солнце всходит очень медленно. В моменты вынужденного ожидания прекрасно видно его движение. Вот оно выглянуло из-за бескрайнего поля, и тьма мгновенно спряталась в низинах. Прошло совсем немного времени, и солнечный шар оторвался от земли и поплыл по небу вверх.

Отто начал согреваться. Натянутая над ним маскировочная сеть из нескольких слоёв грубого полотна с торчащей свежей травой была обильно пропитана водой. Иначе растения очень быстро завянут, и внимательный противник обязательно это увидит. Тогда — верная смерть.

Отто мог немного двигаться в укрытии. Он развернулся и внимательно рассмотрел танк, под которым должен был находиться Ганс. Утреннее солнце прекрасно освещало подбитую бронированную машину, и только нелепо торчащая, сорванная взрывом гусеница давала небольшую тень, с каждым мгновением всё больше заползавшую под искорёженный корпус.

«Пора», — подумал Отто. Через оптический прицел «Маузера 98», изготовленного специально для него, рассмотрел линию русских окопов. Возвышенность, которую он выбрал для укрытия, позволяла ему видеть мелькающие каски противника. Один из солдат снял рубаху и положил на край окопа. Сверху лёг планшет. «Офицер», — догадался Отто.

Русский воткнул в стену траншеи небольшое зеркало и намылил подбородок. Склонив голову набок, он провёл опасной бритвой по щеке, снимая слой пены.

С такого расстояния Отто рассмотрел даже выражение лица жертвы. Осторожно навёл прицел на бритую шею, всмотрелся, затем чуть повёл стволом карабина в сторону и плавно нажал спусковой крючок. Тишину разорвал выстрел. Эхо подхватило звук и растащило по сторонам. Лёгкий ветер тут же развеял дымок, вырвавшийся из ствола. Снайпер успел заметить, как брызнуло осколками разбитое зеркало и человек нырнул на дно окопа.

Русский снайпер, получивший три дня назад приказ найти и убить наглого немецкого стрелка, не успел заметить, откуда был произведён выстрел, но что-то блеснуло в тот же миг между траками подбитого танка. Он, почти не целясь, выстрелил в сторону блика. Пуля, в секунду промчавшись по назначенной траектории, расколола линзу бинокля и через глаз вломила в мозг Ганса. Почти сразу же с обеих сторон начали стрелять пушки. Вскоре нейтральную полосу заволокло дымом.

5 августа. Полдень. Ближний тыл Миус-фронта в районе Саур-Могилы.

Отто, одетый в безукоризненно сидящий китель, по приказу явился с вещами в штаб триста шестой дивизии. Немолодой оберст отдал ему предписание немедленно отбыть в распоряжение резерва группы армий «Юг»:

— Вы ввязались в нехорошую историю, лейтенант. Я предвижу сложности в вашем будущем.

— В моём будущем? Сказать, как я вижу будущее? При случае проверим. Я — всего лишь мелкая деталь в механизме вермахта. Третий рейх — непобедим! Советы рано или поздно будут сломлены. Идеи коммунизма — растоптаны и забыты. Комиссары перекрасятся в идеологов новой философии. Восторжествует национализм. Внуки этих солдат, — он показал рукой на восток, — вместо Сталина наколют себе на грудь кресты и свастики. Они будут преклоняться перед нами и нашим превосходством. Наша техника, наши технологии и наши инструменты разойдутся по всему миру. А на этой земле будет литься кровь за право быть ближе к нам — к стране высшей расы.

— Вас ожидает машина, лейтенант. Уезжайте быстрее. Вблизи от штаба армии война выглядит не так, как из окопа. Здесь не оловянные солдатики и не тотализатор. Я знаю, что кто-то из командования вас опекает, но всё равно напишу рапорт о случившемся.

— Пишите хоть самому дьяволу, — улыбнувшись ответил Отто, щёлкнул каблуками и вышел на улицу. Он закинул чемодан в заднюю дверь поджидавшего его «кюбельвагена», а сам не спеша сел на переднее место. Немецкая военная машина, набирая ход, покатила на запад.

5 августа. Поздний вечер. Район Саур-Могилы.

— Виктор Степаныч, ты вроде в боеприпасах разбираешься? Глянь-ка, что у хлопчика из шеи вынул. Я таких пуль раньше и не бачил. — Врач в синем медицинском халате протёр ватой что-то ухваченное пинцетом и рассматривал, поднеся поближе к лампе.

Судмедэксперт оторвался от заполнения акта вскрытия и подошёл посмотреть.

— Дай взглянуть, Алексей, — он взял пулю пальцами и покрутил её перед глазами. — Да, необычная. Очень похожа на пулю от немецкого

«Маузера 98к», только непонятно, что это за продольная насечка такая? Пуля заводская, не самоделка. Вся в какой-то непонятной окалине или ржавчине. Такое ощущение, что она в земле пролежала много лет. Хотя посмотри, налёт стирается, а покрытие пули почти как новое. Это не краска. Воронение? Потом рассмотрю внимательнее.

— Да в этой земле, Виктор Степаныч, если покопаться, можно монгольскую саблю времён ига найти. И это тоже, не удивлюсь, если из раскопок. А хлопчику не повезло, — он посмотрел на лежащее на столе обнажённое тело, — вон только бриться начал и каюк. Половина лица в мыльной пене. Как его звали?

Виктор Степаныч вернулся за письменный стол, пробежал глазами по документам:

— Александром Суворовым. Не станет уже русским полководцем.

Он взял ручку и написал на акте: «Район Саур-Могилы, село Степановка. 5 августа 2014 года». В облезлой раме при каждом отдалённом разрыве дребезжало треснувшее стекло.